

0 кошках / рассказ

Category: Neкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

0 кошках / рассказ 0 КОШКАХ

Мыс Антиб

I.

Несколько дней назад, сидя на скамейке у дома, на самом солнцепеке, перед клумбой цветущих анемонов, я читал недавно вышедшую книгу Жоржа Дюваля «Бочар» – книгу честную, что редкость, и притом захватывающую. Большая белая кошка садовника вспрыгнула мне на колени; от этого толчка книга захлопнулась, и я отложил ее в сторону, чтобы погладить животное.

Было жарко. В воздухе реял запах едва распустившихся цветов, запах еще робкий, неуверенный, легкий; порою доносились и холодные дуновения с высоких белых вершин, которые я видел вдали.

Но солнце было палящее, жгучее, такое, которое будит землю, насыщает ее жизнью, вскрывает семена, чтобы оживить дремлющие зародыши, раскрывает почки, чтобы развернулись молодые листки. Кошка каталась у меня на коленях, ложилась на спину, задирала кверху лапы, выпуская и втягивая когти, показывала острые клыки; в почти сомкнутой щели век виднелись ее зеленые глаза. Я гладил и вертел мягкое, нервное животное, нежное, как шелковая ткань, приятное, теплое, очаровательное и опасное. Кошка мурлыкала, довольная и готовая укусить; ведь если кошки любят, чтобы их ласкали, то они любят и царапаться. Она вытягивала шею, извивалась, а когда я переставал ее гладить, вскакивала и совала голову мне под руку.

Я действовал на нее раздражающе, но и она раздражала меня, ибо я и люблю и ненавижу этих зверей, пленительных и коварных. Мне приятно трогать их, проводить рукой по шелковистой, потрескивающей шерстке, чувствовать теплоту их тела в каждом

волоске тонкого восхитительного меха. Что может быть нежнее, что дает коже более утонченное, более изысканное, более редкостное ощущение, чем теплая, трепещущая шкура кошки? Но эта живая одежда сообщает моим пальцам странное и жестокое желание задушить животное, которое я ласкаю. Я чувствую и в нем желание искушать, растерзать меня, чувствую его, и оно заражает меня, передается мне, как флюид, я вбираю его кончиками пальцев в теплой шерсти, и оно поднимается, поднимается по моим нервам, по всему моему телу, к сердцу, к голове, оно наполняет меня, пробегает по коже, заставляет меня стискивать зубы. И все время, все время я чувствую в кончиках всех десяти пальцев легкое и острое щекотание, которое пронизывает меня и возбуждает.

И если кошка начинает первая, если она кусает, если она царапает меня, то я хватаю ее за шею, верчу в воздухе и отшвыриваю далеко, как камень из пращи, – так быстро и так резко, что никогда не даю ей времени отомстить за себя.

Я помню, что любил кошек еще ребенком, но мною и тогда овладевало вдруг желание задушить их своими маленькими руками. Однажды в самом конце сада, где уже начинался лес, я неожиданно увидел что-то серое, катавшееся в высокой траве. Я подошел посмотреть. Это была кошка, попавшая в силок, полузадушенная, хрипящая, издыхающая. Она извивалась, скребла землю когтями, подпрыгивала, падала обессиленная, вскакивала опять, и ее хриплое, частое дыхание напоминало шум насоса; этот ужасный звук запомнился мне навсегда.

Я мог бы взять лопату и перерубить силок, мог пойти за слугой или позвать отца. Но нет, я не двинулся с места и с бьющимся сердцем, с трепетной и жестокой радостью смотрел, как она умирает: ведь это кошка! Будь это собака, я скорее перегрыз бы медную проволоку собственными зубами, чем дал бы животному мучиться лишнюю секунду.

И когда кошка околела, околела совсем, но была еще теплая, я потрогал ее и дернул за хвост.

II.

А между тем кошки прелестны, прелестны именно потому, что, лаская их – когда они трутся о нас, мурлычат, лежат, свернувшись на наших коленях, и смотрят на нас своими желтыми глазами, как будто не видя нас, – мы понимаем все непостоянство их нежности, весь предательский эгоизм их наслаждения.

Есть женщины, которые вызывают такое же чувство, очаровательные, милые женщины с ясными и лживыми глазами, избирающие нас для того, чтобы понежиться около любви. Когда они раскрывают объятия, протягивают губы, когда сжимаешь их с бешено бьющимся сердцем, когда наслаждаешься чувственной и упоительной радостью их изысканной ласки, ты обнимаешь кошку, кошку с когтями и клыками, коварную, лукавую кошку, влюбленного врага, который укусит, когда устанет от поцелуев. Все поэты любили кошек. Бодлер божественно воспел их. Известен его изумительный сонет:

*Любовник и мудрец, дотягивая дни,
Равно влюбляются, в томленьях неизбежных,
В сокровище семьи – в котов, больших и нежных.
Что домоседствуют и зябнут, как они.*

А те, познанию друзья и сладострастью,
Полночной тишиной и жутью дорожат;
Их погребальными б избрал конями Ад,
Когда б надменность их склонилась перед властью.
Во сне привычно им то благородство поз.
Что сфинксы выбрали, дремля в песках забытых,
В объятьях призрачных и беспредельных грез;

Снопы волшебных искр в их чреслах плодовитых,
И блески золота, как самый тонкий прах.
Звездятся, зыбкие, в таинственных зрачках. [1]

III.

Как-то раз мне довелось испытать необычайное чувство, как будто я попал в заколдованный замок Белой Кошечки, в волшебный

дворец, где царствовало одно из этих гибких, таинственных, волнующих животных, единственное, пожалуй, из всех живых существ, шаги которого всегда неслышны.

Это было прошлым летом, здесь, на берегу Средиземного моря.

В Ницце стояла ужасная жара, и я стал расспрашивать, нет ли в горах прохладной долины, куда местные жители ездят подышать свежим воздухом.

Мне указали долину Торан. Я решил взглянуть на нее.

Сначала надо было доехать до Грасса, города, известного своими духами. Я расскажу о нем в другой раз и опишу, как делают цветочные эссенции и квинтэссенции, за которые платят до двух тысяч франков за литр.

Я провел вечер и ночь в старой городской гостинице, убогом постоялом дворе, где качество пищи было столь же сомнительно, как и чистота комнат. Наутро я продолжал путь.

Дорога шла в гору, вдоль глубоких оврагов, под нависшими бесплодными, острыми и дикими скалами. Я недоумевал, почему мне указали для летнего отдыха такое странное место, и уже подумывал, не повернуть ли обратно и в тот же вечер возвратиться в Ниццу, как вдруг увидел перед собой на горе, казалось, загородившей всю долину, огромные, великолепные развалины; в небе отчетливо вырисовывались башни, обвалившиеся стены, вся причудливая архитектура заброшенной крепости. Это был древний замок командоров ордена тамплиеров, властвовавших некогда над всем округом Торан.

Я обогнул гору, и передо мной сразу открылась долина, зеленая, прохладная, зовущая к отдыху. В глубине – луга, речка, ивы; на склонах – ели до самого неба.

По ту сторону долину, напротив командорства, но немного ниже, возвышается другой, обитаемый замок, замок Четырех Башен, выстроенный около 1530 года. Однако на нем еще не заметно никаких признаков Ренессанса.

Это – массивное, мощное квадратное здание, твердыня с четырьмя сторожевыми башнями по бокам, как и указывает его название.

У меня было рекомендательное письмо к владельцу этого замка, и он не захотел и слышать, чтобы я остановился в гостинице.

Долина действительно была прекрасна, самое очаровательное

место для летнего отдыха, о каком только можно мечтать. Я гулял до вечера, а потом, после обеда, поднялся в отведенные мне покои.

Я прошел сначала через гостиную, стены которой были обиты старой кордуанской кожей, потом через другую комнату, где при свете свечи увидел мимоходом старинные женские портреты, те портреты, о которых Теофиль Готье писал:

Люблю я видеть блеклые овалы.

Портреты некогда прекрасных дам,

Что держат в пальцах стебель розы – вялой,

Как подобает вековым цветам [2], –

и вошел в спальню, где мне была приготовлена постель.

Оставшись один, я огляделся. Стены были обтянуты старинной узорной тканью: на фоне голубых пейзажей поднимались розовые башни, и большие фантастические птицы порхали среди листвы из драгоценных камней.

Туалетная комната находилась рядом, в башенке. Окна, высеченные в толще стен, узкие снаружи и расширявшиеся внутрь, были, в сущности, бойницами, отверстиями, через которые убивали людей. Я запер дверь, лег и заснул.

И мне приснился сон – а во сне почти всегда видишь что-нибудь из того, что случилось за день. Я путешествовал; я вошел в гостиницу, где за столом, перед огнем, сидел слуга в парадной ливрее и каменщик – странная компания, которая меня, однако, ничуть не удивила. Они разговаривали о Викторе Гюго, который только что скончался, и я принял участие в их беседе. Потом я улегся спать в комнате, дверь которой не запиралась, и вдруг увидел, что слуга и каменщик, вооруженные кирпичами, тихо крадутся к моей кровати.

Я мгновенно проснулся, и мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Потом я припомнил все вчерашние события, мой приезд в Торан, любезный прием владельца замка... Я уже собирался снова закрыть глаза, как вдруг увидел – да, да, увидел в темноте, во мраке ночи! – посреди комнаты, примерно на уровне человеческого роста, два огненных глаза, смотревших

на меня.

Я схватил спички, но пока чиркал ими, услышал шум, легкий, мягкий шум, как будто упало мокрое свернутое белье, а когда мне удалось зажечь огонь, я уже не увидел ничего, кроме большого стола посреди комнаты.

Я встал, осмотрел обе комнаты, заглянул под кровать, в шкафы – ничего.

Тогда я решил, что сон мой продолжался еще некоторое время после пробуждения, и заснул снова, хотя и не сразу.

И опять увидел сон. Я путешествовал и на этот раз, но теперь уже по Востоку, по моей любимой стране, и приехал к одному турку, который жил в пустыне. Это был великолепный турок; не араб, а именно турок, толстый, любезный, очаровательный, одетый по-турецки – в тюрбане и в целом ворохе шелковых тканей, – словом, настоящий турок из «Французского театра»; он говорил мне любезности и угощал меня вареньями на мягчайшем диване.

Потом слуга-негритенок проводил меня в отведенную мне комнату, – по-видимому, всем моим снам суждено было оканчиваться так, – в небесно-голубую, благоухающую комнату, устланную звериными шкурами, где перед огнем – мысль об огне не покидала меня даже в пустыне – на низком табурете сидела полуголая женщина и ожидала меня.

Это была женщина чистейшего восточного типа: звездочки на щеках, на лбу и на подбородке, огромные глаза, дивное тело, немного смуглое, но горячей, пьянящей смуглости.

Она глядела на меня, а я думал: «Вот это я понимаю, это гостеприимство! В наших глупых северных странах, в наших странах с их бессмысленным ханжеством, с их отвратительным целомудрием, с идиотской моралью, никогда так не примут путешественника».

Я подошел и заговорил с нею, но она отвечала мне знаками, так как не понимала ни слова на моем языке, которым так хорошо владел турок, ее хозяин.

Еще более довольный тем, что она поневоле будет молчать, я взял ее за руку, подвел к моему ложу и лег рядом с ней... Но в этот момент почему-то всегда просыпаешься! Так вот, я

проснулся и не особенно удивился, почувствовав у себя под рукой что-то теплое и мягкое, что я влюбленно поглаживал.

Потом, когда мои мысли немного прояснились, я понял, что это кошка, огромная кошка, которая спала, доверчиво прижавшись к моей щеке. Я не стал ее беспокоить и последовал ее примеру.

Когда рассвело, кошки уже не было, и я решил, что видел ее во сне, потому что для меня непостижимо было, как она могла войти и потом выйти из комнаты, запертой на ключ.

Когда я поведал о своем приключении (не во всех подробностях) моему любезному хозяину, он рассмеялся и ответил: «Она прошла через кошачий лаз», – и, приподняв драпировку, показал мне в стене небольшое круглое черное отверстие.

И я узнал, что почти во всех старых постройках этой местности в стенах проложены узкие длинные ходы: из погреба – на чердак, из комнатки служанки – в покои господина, – и, таким образом, кошка владеет всем домом, хозяйничает повсюду.

Она расхаживает везде, где вздумает, по собственной прихоти обходит свои владения, спит во всех постелях, все видит и все слышит, знает все секреты, все привычки, все постыдные тайны дома. Она везде у себя; этот зверь с бесшумной поступью, молчаливый бродяга, ночной гуляка по стенным проходам проникает повсюду.

И мне припомнились еще одни стихи Бодлера:

*То здешних мест привычный гений,
Судья, глава, душа всего.
Что есть в кругу его владений,
Но кто он: фея, божество? [3].*

* * *

[1] Перевод Георгия Шенгели.

[2] Перевод Георгия Шенгели.

[3] Перевод Георгия Шенгели.

Напечатано в «Жиль Блас» 9 февраля 1886 года.

Антиб – местечко на французском побережье Средиземного моря,

недалеко от Ниццы. В конце 1885 года Мопассан купил здесь виллу Мютерс. В воспоминаниях Франсуа Тассара описывается приезд писателя зимой 1885 – 1886 годов на эту виллу; интересно здесь следующее указание Тассара, относящееся к данному очерку и вообще характеризующее творческую работу Мопассана, в которой нередко сотрудником являлась его мать, Лора де Мопассан: «Сидя рядом с матерью, мой господин счастлив. Удобно разместившись, они обсуждают тему его будущей новеллы, переделывают план, потом наконец приходят к полному согласию, и мой господин восклицает с улыбкой: «Превосходно, моя новелла теперь прочно стоит на ногах, как спрыгнувшая кошка консьержа». Эта кошка действительно постоянно играла с моим господином на скамье; когда мы только что приехали, это маленькое существо казалось таким печальным, но она скоро поняла, что ей нашелся товарищ и друг. И тут уж она каждый день точно являлась на свидание и не упускала случая получить удовольствие. Она была так прелестна; у нее был мягкий и густой мех, белый с темно-серыми пятнами, а желтые глаза положительно блестели умом! Это подало моему господину мысль написать очерк о кошках» (Souvenirs... par François, pp. 53 – 56).

Жорж Дюваль (1847 – 1919) – французский драматург и романист, сотрудник ряда газет, в частности «Голуа».

Бодлер (1821 – 1867) – французский поэт, родоначальник декадентства. Приведенные сонет и четверостишие в конце новеллы взяты из его книги «Цветы зла».

Белая Кошечка – название сказки французской писательницы графини д'Онуа (1650 – 1705). Некий принц во время своих приключений встречает восхитительную белую кошечку, которая оказывается принцессой, превращенной в животное силою волшебства; принц возвращает ей человеческий облик и женится на ней.

Теофиль Готье (1811 – 1872) – французский поэт-романтик.

Виктор Гюго, который только что скончался. – Гюго умер 22 мая 1885 года.

Французский театр – второе название Французской комедии.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод Е.Александровой. НекауаӀар